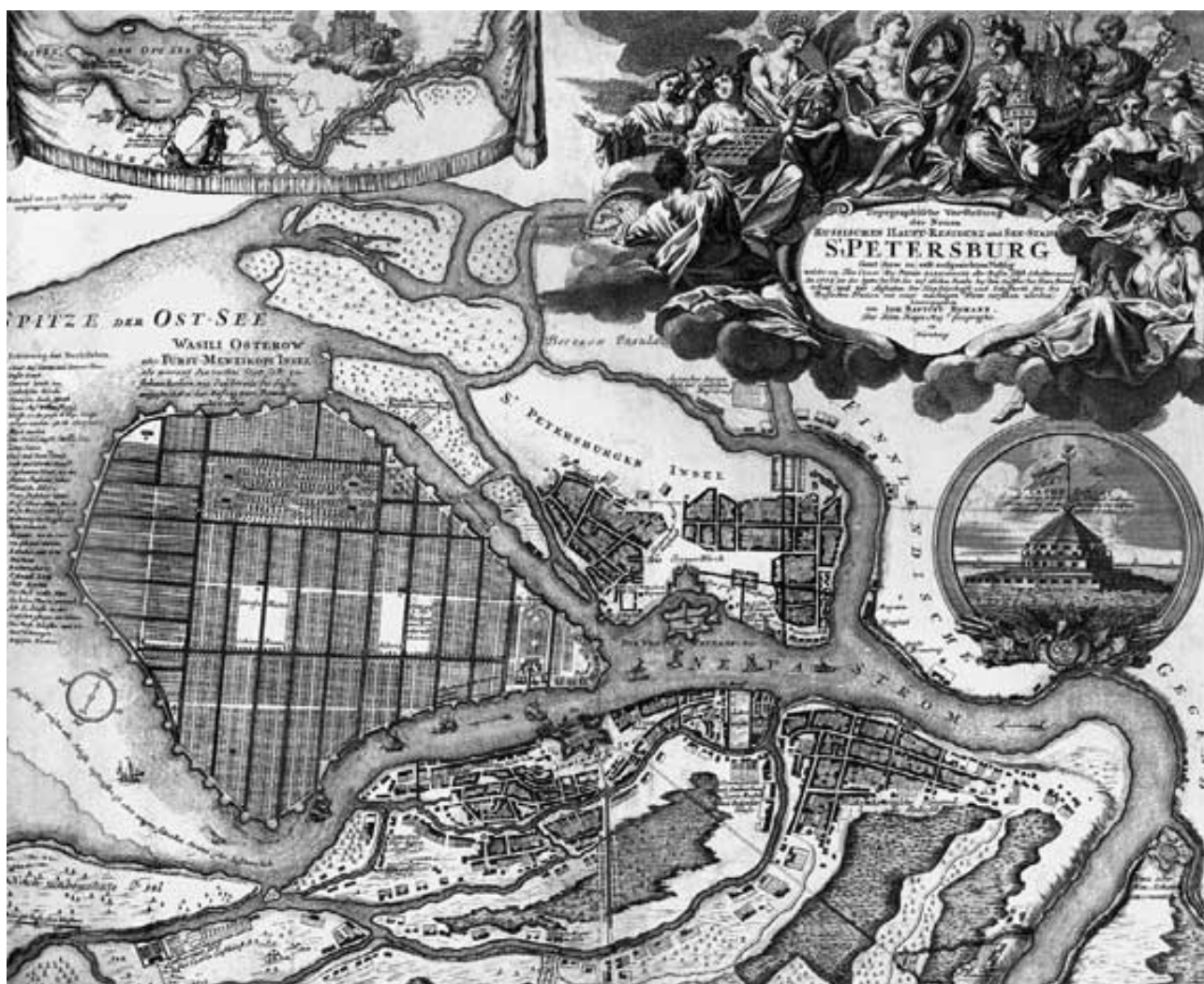

Строительство европейского города

Полтавская победа оказалась решающей и в судьбе Петербурга. Строительство города пошло быстрыми темпами, и в 1712 году Петербург стал столицей государства. Вначале Петр намеревался построить новый город на острове Котлин и создал план будущей столицы, включавший в себя более 60 каналов. Но потом «котлинский проект» был отставлен, и архитекторы Доменико Трезини и Александр Леблон составили новый план застройки города, центром которого стал Васильевский остров. Одновременно перестраивались и другие кварталы города. Петр I хотел видеть свой любимый город похожим на европейские города. Особенно ему нравился Амстердам, поэтому он стремился придать городу симметрию и уют. Были разработаны типовые проекты застройки домов, чиновники строго следили за размещением домов на улицах, уделяли внимание их внешнему виду и архитектурным деталям. Создавая на новом месте столицу империи, Петр I, а потом и его преемники стремились к изысканной роскоши и богатству в архитектуре, строили многочисленные дворцы. Одним из любимых загородных дворцов Петра I был дворец в Петергофе, основанный еще в 1705 году. Царь сам придумал его план, начертал канал, шедший от моря к горе. На ней по его воле построили дворец и каскады, причем Петр I постоянно наблюдал за возведением своей загородной резиденции, вникая во все мелочи стройки. В «Журнале» Петра I встречается весьма характерная фраза: «Гулял по работам». То есть даже в свободное время он отдыхал на стройке. С таким же размахом возводились и другие дворцы и загородные резиденции – в Стрельне, в Дубках и в других местах.

План Санкт-Петербурга.

Если бы мы взглянули с высоты на молодой город «в профиль», рассмотрели его городской абрис, то Петербург можно было бы смело назвать «голландским». Это мы можем заметить, если взглянемся в задние планы гравюр А. Ф. Зубова с видами Петербурга, относящиеся к 1717 году. Там, вдали, за стоящими на переднем плане красивыми зданиями, повсюду виднеются типично голландские шпили – шпицы, на которых развеваются гюйсы и флаги, как это до сих пор можно видеть в Голландии. В Петербурге середины XVIII века было не менее 50 шпилей! На гравюрах можно также увидеть, что большинство разводных мостов сделаны с голландскими противовесами, напоминающими склонившихся аистов и выкрашенными белилами, как это делают в Голландии до сих пор. Это и неудивительно – почти все их построил голландский мастер Герман ван Болес. Эту «голландскую картину» дополнял звон голландских курантов на церквях, на Адмиралтействе, на колокольне Петропавловского собора. Припомним также и множество типично голландских мельниц, вращавших свои крылья не только на Стрелке Васильевского острова или на Охте, где

было их целое скопление, но и в самых разных местах столицы, в том числе на бастионах Петропавловской крепости.

А. Ф. Зубов. Васильевский остров. 1714 год.

Множество иностранных мастеров самых разных специальностей жили в Петербурге в то время, и не только голландцы создавали наш город. Здесь приложили свои руки французы, итальянцы, немцы, как из собственно германских государств, так и из завоеванной Россией Прибалтики. Здесь работали также армянские мастера, шведские военнопленные и, конечно, во множестве – русские архитекторы, мастера, рабочие. Но при этом не будем забывать, что все эти мастера, от великого Леблона до последнего каменщика, работая под постоянным, въедливым присмотром самого Петра I, подстраивались под его вкусы. На облике раннего Петербурга эти вкусы отразились очень четко. В основе же их лежала безмерная любовь Петра к Голландии. И то, что позже было названо «петровским барокко», на самом деле было вариантом голландского барокко, приспособленного к условиям России.

Заметки на полях

Никто не знает ту цену, которую заплатила Россия за строительство Петербурга. С давних пор встречаются общие, приблизительные данные о потерях, гибели людей от болезней, голода и непосильных работ при возведении столицы. Речь идет о десятках тысяч трупов, положенных в основание города. Сведения о поте-

рях идут преимущественно от иностранных путешественников и дипломатов, приезжавших в Петербург много позже его основания. Они считали, что при строительстве города погибло не менее 100 тыс. человек. Конечно, в их рассказах много преувеличений, но отмахнуться от многих данных, приводимых в мемуарах, нельзя. Считать, что большая смертность на стройке – это миф, пустые слухи, было бы неверно. В 1716 году, когда в городе была уже налажена более-менее сносная жизнь, А. Д. Меншиков писал кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову, что среди рабочих, занятых на строительстве Петергофа и Стрельны, «больных зело много и умирают непрестанно, из которых нынешним летом больше тысячи померло». При этом генерал-губернатор сделал специально для Макарова приписку, что об этом царю сообщать необязательно, «понеже чаю, что и так неисправления здешние Его царское величество не по малу утруждают». Если гибель целой тысячи людей в течение одного лета только на двух загородных стройках не кажется Меншикову достойной внимания царя, то при каком количестве умерших государя следовало «утруждать»?

Были и другие сведения о смертности строителей уже после первого, самого неблагоустроенного десятилетия в истории Петербурга. 28 ноября 1717 года, когда до Петра I дошли слухи о многих умерших на строительстве Кронштадта, он писал начальнику стройки сенатору М. М. Самарину: «Я слышал, что при гаванной работе посоха (т. е. крестьяне. – Е. А.) так бес призрения, а особливо больные, что по улицам мертвые валялись, а от больных и ныне остаток вижу, милостыню просят». То, что не иностранцы-мемуаристы, а информаторы царя видели валявшихся по улицам мертвецов, говорило о явном неблагополучии на стройке даже в те времена, которые считались не самыми суровыми в истории города. А, как известно, Стрельной, Петергофом и Кронштадтом строительство в окрестностях тогдашнего Петербурга не ограничивалось.

Проверить, систематизировать сведения о причинах гибели людей, как и вообще дать сводные данные о потерях рабочих, практически невозможно. Неизвестна и статистика причин убыли людей на стройке. У нас есть только отрывочные, краткие данные. Так, в 1704 году генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, сообщая о высокой смертности среди рабочих, меланхолично писал: «И отчего такой упадок учинился, не можем рассудить». Совершенно очевидно, что потери в начальный, самый трудный период строительства города должны быть выше, чем в последующие годы. По самым общим подсчетам за первые пятнадцать лет в Петербурге на работах побывало не менее полумиллиона человек.

И наиболее распространенная в литературе цифра потерь строителей – 100 тыс. (т. е. каждый пятый) не кажется невероятной. Для гибели такого числа рабочих были «созданы условия»: людей гнали партиями со всей страны за сотни и даже тысячи верст по трудным дорогам. В Петербурге они селились под открытым небом, в шалашах, землянках, пища была скудной, медицинское обслуживание отсутствовало. Труд же рабочих людей был крайне тяжел и изнурителен. В основном это были земляные работы на болотистом грунте, в холодной воде. Почти все работы велись вручную, а масштабы их были грандиозны. Ни для кого не было секретом, что чиновники, заведовавшие строительством, воровали. Для них эти работы были настоящими «серебряными копиями», возможностью сколотить состояние, оправдать свою нелегкую и дорогую жизнь в новопостроенном городе. Хотя каждому рабочему полагалось выдавать деньги, которые были ничтожным вознаграждением за тяжелейший труд, да и, вероятно, у распорядителей работ всегда была возможность «экономить» за счет людей. Известно и о повальных болезнях, косивших рабочих. Будущий канцлер Г. И. Головкин в 1703 году сообщал, что у солдат и рабочих «болезнь одна: понос и цинга». Иначе говоря, это могла быть дизентерия, от которой в те чуждые гигиене времена люди мерли, как мухи. Кроме дизентерии, тифа, в XVIII веке, как и ныне, в городе с таким тяжелым климатом часто свирепствовал грипп, уносивший немало человеческих жизней. Скорее всего, именно от гриппа умер в апреле 1719 года наследник Петра I царевич Петр Петрович. Словом, дороговато обошелся России этот город.

Самым выразительным примером этой страсти может служить знаменитый деревянный Домик Петра Великого, раскрашенный под красный голландский кирпич, промышленное производство которого позже также было налажено с помощью голландских мастеров.

В 1724 году, отправляя начинающего архитектора Ивана Коробова учиться за границу, царь предписывал ему ехать в Голландию и был убежден, что «строение здешнее сходнее с голландским. Надобно тебе жить в Голландии и выучить манир голландской архитектуры, а особливо фундаменты, которые мне здесь нужны: также низко, также много воды, такие нужны тонкие стены... Сады как их размерять, украсить леском, всякими фигурами, чего нигде на свете так хорошо не делают, как в Голландии». Он же говорил: «Дай Бог мне здоровья, и Петербург будет второй Амстердам!» И, надо сказать, царь многое для этого сделал.

Позже, когда столица расширялась и перестраивалась под влиянием других архитектурных стилей, «голландский Петербург»

как бы утонул, растворился, ушел в фундаменты, скрылся за фасадами нового Растреллиевского Петербурга, а потом – Петербурга эпохи классицизма. Но памятью о «голландском детстве» города могут служить золотые шпили Петропавловского собора и Адмиралтейства, форма которых сохранилась со времен Петра Великого, когда их возводил и украсил Ангелом и Корабликом Герман ван Болес, а также куранты Петропавловского собора, которым дал голос голландский «курантный мастер» Оортон. Этот собор с прекрасной высокой колокольной, увенчанной, как тогда писали, «летающим ангелом», стал с 1712 года возводить в камне Доменико Трезини на месте первоначального деревянного. Петр I торопил архитектора – требовал, чтобы в первую очередь построили колокольню. Царь хотел, чтобы сначала построена была именно эта башня. Он писал: «Колокольня, которая в Городе, как возможно скоряя отделать, дабы в будущем 1716-м году возможно на оной часы поставить, а церковь делать исподволь». Вероятно, царь хотел сразу же придать городу западноевропейский вид (именно шпили всегда были видны первыми при подъезде к западным городам), а также мощной, далеко видной с моря вертикалью обозначить на плоской невыразительной равнине новый город. К 1722 году покрытый золотом шпиль Петропавловского собора уже сиял над городом, сам же собор был закончен лишь в 1732 году.

Действующие лица

Архитектор Леблон

Он родился в Париже в 1679 году в семье художника и скульптора, стал одним из лучших французских архитекторов, учеником создателя Версаля А. Ленотра. Книга Леблона о том, как создавать парки, прославила его. Это сочинение переиздавали многократно во многих странах мира. Словом, Леблон был славным архитектором, и Петр I, который в 1716 году побывал во Франции, решил нанять его для строительства Петербурга. Прельстившись на большие деньги, дармовую квартиру, необычайный чин «генерал-архитекта» и думая о грандиозных возможностях, которые перед ним открывались на берегах Невы, Леблон бросил все и поехал в Россию.

В Петербурге он сразу взял все дело строительства в свои руки, работал непрерывно, напряженно и плодотворно: составил генеральный план города, учил молодых архитекторов и мастеров, создавал проекты парков и дворцов. Решительный и резкий, он забраковал все, что делали до него другие архитекторы, иначе говоря – сразу же нажил себе массу врагов. Особенно невзлюбил блестящего Леблона Карло Бартоломео Растрелли, которого поддерживал А. Д. Меншиков. Леблон же, не замечая интриг, тру-

дился не покладая рук. Неожиданно, как пишут во всех биографиях Леблона, гениальный архитектор в расцвете сил и таланта заболел и умер 27 февраля 1719 года. О причинах болезни прежде энергичного, здорового Леблона ничего не известно. Есть только темные, глухие слухи. Историки архитектуры обходят эти слухи стороной. Согласно одной из легенд, Меншиков, завидовавший таланту Леблона, как-то раз оболгал его перед царем. Он сказал, что Леблон якобы приказал вырубить с таким трудом возвращенные Петром I в Петергофе деревья. Разъяренный царь, вспыльчивый и крутой, внезапно приехал в Петергоф, жестоко оскорбил Леблона и даже ударил его палкой. Леблон был так потрясен произошедшим, что в горячке слег. Спустя некоторое время Петр I разобрался, в чем дело, и страшно избил Меншикова за ложный донос. К Леблону же царь послал человека с извинениями и уверениями в своей неизменной к нему милости. Но потрясенный этими невиданными для свободного человека и дворянина оскорблениями, Леблон уже не поднялся с постели – он умер от унижения и позора. Другое дело – Меншиков: вытерев кровь и сопли кружевным брюссельским галстуком, он почесал бока да и пошел по делам. Эка невидаль, барин холопа побил, ведь не убил же!

Работа по плану Леблона шла и после смерти архитектора. Все дело вел Доменико Трезини под личным контролем самого царя. Планы Петра I по благоустройству Васильевского острова были велики. Историк XVIII века А. И. Богданов писал, что Васильевский остров царь хотел «наибогатейшим строением населить и украсить, как деревянным, так и каменным, и каналами устроить и фартецию укрепить, наподобие Амстердама, что всему тому обстоятельный план и модель зделанная имеется, по которому плану все строение на сем острове и производится». Однако осуществить планы из-за смерти Леблона, немыслимой грандиозности всей этой затеи, обычного для России недостатка времени, материалов, некачественного исполнения, наконец, из-за часто менявшихся взглядов самого Петра I, который нередко приказывал разрушать то, что было уже построено, и начинать заново, не удалось. К тому же в 1725 году царь умер. А жаль! Может быть, Васильевский остров со временем действительно стал бы похож на Амстердам.

Заметки на полях

Когда же Петербург стал столицей? Мысль о том, что здесь будет столица, царь высказал уже в письме 28 сентября 1704 года, объявив о своем скором намерении «быть в столицу (Петербурх)», хотя тогда, конечно, эти слова отражали лишь мечту, а не реальность. После Полтавской победы 1709 года Петербург, действительно, уже мог стать столицей России – позиции ее в Европе

и на Балтике резко усилились. Петр писал тогда своему шутовскому «повелителю» – князь-кесарю Ф. Ю. Ромодановскому: «Ныне уже без сумнения желание Вашего величества резиденцию вам иметь в Питербурхе совершилось чрез сей упадок конечной неприятеля». Тот, кто знает шутовские отношения князя-кесаря Ромодановского с его царственным «подданным», поймет, о чьем желании иметь резиденцию говорится в письме.

Парадокс заключается в том, что мы не знаем точно, когда же Петербург стал столицей. Не было издано никакого особого указа об объявлении города второй столицей (Москва никогда статуса столичного города не теряла и всегда называлась «царствующим градом»), резиденцией. При отсутствии такого указа совершенно непонятно, на каких же основаниях, собственно говоря, нам следует Петербург считать столицей, резиденцией: то ли потому, что на берега Невы переехала царская семья и двор, то ли потому, что сюда перебрался дипломатический корпус или государственные учреждения? Как известно, семья царя появилась в Петербурге в 1708 году, но потом ее члены уезжали оттуда и подолгу жили в Москве. Людей, которые окружали Петра I и Екатерину, трудно назвать двором – скорее это была прислуга, сопровождавшая царя в непрерывных походах. В 1710 году в Петербурге торжественно отпраздновали свадьбу племянницы Петра Анны Иоанновны и Курляндского герцога Фридриха Вильгельма. Это как будто подчеркивало значение новой резиденции. Но когда через два года, в 1712 году, Петр I и Екатерина венчались в Петербурге, вся церемония была устроена не как традиционное пышное брачное торжество русского самодержца в новой столице, а как скромная свадьба шаутбейнахта Петра Михайлова и его боевой подруги, на которую пригласили узкий круг гостей – преимущественно моряков и кораблестроителей.

Когда Петербург стал официальной резиденцией для иностранных дипломатических представителей? Двадцать четвертого ноября 1704 года в «Посольском доме» на Петербургском острове Петр устроил прием турецкому послу. Эту дату считать началом превращения Петербурга в официальную столицу, резиденцию монарха не хватает духа. Первым же из европейских послов в 1709 году приехал на берега Невы датский посланник Ю. Юль, в 1710 году – саксонский посланник Ф. Фицрум. Но другие посланники появились в Петербурге не раньше 1718 года. Однако нужно иметь в виду, что дипломатический корпус, точнее, те несколько дипломатов, которые были аккредитованы в России, кочевали за неугодным царем по всей стране и жили в Петербурге временно, на съемных квартирах.

Нет ясности и с переездом в Петербург государственных учреждений. С основанием Петербурга многие приказы образовали на берегах Невы свои «походные» отделения – канцелярии, которые постепенно перетянули к себе власть головных учреждений. Руководители этих приказов – ближайшие сподвижники Петра – были зачастую возле него, т. е. в Петербурге, и московские приказы (которые в 1710-е годы стали чаще называть канцеляриями) превратились в московские отделения петербургских «походных канцелярий». Происходило это переселение, «переливание» власти не вдруг, с каждым учреждением нужно разбираться отдельно. Известно точно, что высший орган государственной власти – Правительствующий Сенат – переехал в новую столицу в 1712 году. Пожалуй, именно этот год можно назвать датой превращения Петербурга в столицу. До этого пребывание Петра на берегах Невы в официальных документах именовалось «походом». Так назывался любой выезд царя из Кремля еще в допетровскую эпоху. «Поход» затянулся на многие годы, и только с 1712 года упоминание о «походе» исчезает из официальных документов. С тех пор Петербург стал второй столицей, точнее – резиденцией монарха.